

По поводу находки въ Саратовѣ каменнаго креста съ надписью XVII вѣка.

При Саратовской Введенской (Покровской) церкви хранится обломокъ каменнаго креста съ остатками изображеній и надписи, судя по которымъ этотъ обломокъ относится къ XVII в. и, такимъ образомъ, является единственно извѣстнымъ до настоящаго времени мѣстнымъ эпитафическимъ памятникомъ этого столѣтія¹. Это обстоятельство, принимая во вниманіе почти полное отсутствіе въ Саратовѣ вещественныхъ памятниковъ древнѣе XVIII, начала XIX вѣка, дѣлаетъ его настолько любопытнымъ для насъ, саратовцевъ, что я въ настоящей замѣткѣ рѣшаюсь опубликовать эту рѣдкую находку, насколько позволяютъ мои слабыя познанія.

Обломокъ, о которомъ мы говоримъ, представляетъ изъ себя верхнюю половину осьмиконечнаго креста (см. изображеніе) Судя по тому, что сохранилось,

¹ Честь открытія описываемаго памятника принадлежитъ молодому ученому В. А. Пасенко, командированному въ Саратовъ С. Петербургскимъ Университетомъ для собиранія здѣсь матеріаловъ, относящихся до біографіи знаменитаго Радищева. При первомъ посѣщеніи Введенской церкви г. Пасенко, за позднимъ временемъ дня и въ виду крайне неблагоприятной погоды, могъ только констатировать присутствіе на немъ славянской надписи. При подробномъ осмотрѣ открытаго г. Пасенко камня мѣстнымъ любителемъ старины Б. Д. Федоровымъ выяснилось, что, кромѣ надписи съ одной стороны, камень носитъ слѣды изображеній и на оборотѣ. Заявленіе гг. Пасенко и Федорова повело къ болѣе тщательному осмотру найденнаго обломка со стороны нѣкоторыхъ членовъ мѣстной Архивной Комисси.

можно думать, что до насъ дошла едва третья часть всего креста. Крестъ сдѣланъ изъ довольно грубаго известняка, очень похожаго на тотъ, который въ сравнительно недавнее время употреблялся у насъ въ Саратовъ для замощенія тротуаровъ и еще теперь употребляется для фундаментовъ домовъ. Въ окрестностяхъ города такого камня не встрѣчается и для строительныхъ надобностей онъ доставляется сюда съ верховьевъ Волги, преимущественно изъ Казанской губерніи. Съ полной вѣроятностью поэтому можно утверждать, что камень, послужившій матеріаломъ для креста, того же происхожденія, т. е. привозный съ верховьевъ Волги.

Размѣры сохранившагося обломка слѣдующіе: наибольшая длина 48—49 сант., наибольшая ширина 38 сант. и ширина въ узкой части отъ 26½ до 27½ сант.; выемки, образующія собою рога креста, отъ 5 до 6½ с. глубиною. Толщина камня около 17—18 сант.

Камень, по словамъ церковнаго причта, былъ нѣкогда заложенъ въ фундаментъ храма, тою стороною, гдѣ находится надпись, внутрь. Заявленіе это подтверждается остатками извести и смолы на лицевой сторонѣ. Будучи съ одной стороны въ теченіе б. м. очень долгаго ряда лѣтъ подвергаемъ всѣмъ невздамъ погоды, а съ другой — обезображенный известью и смолой, камень производитъ самое грустное впечатлѣніе, а надписи и изображенія на немъ отличаются весьма плохой сохранностью, что крайне затрудняетъ ихъ распознаваніе и чтеніе.

На лицевой сторонѣ камень обведенъ рельефнымъ валикомъ, образующимъ такимъ образомъ какъ бы рамку. Внутри этой рамки сохранилось почти полное изображеніе восьмиконечнаго креста длиною около 40 сант. и шириною около 4 сант. Въ самой широкой части крестъ имѣетъ 19½ сант. По сторонамъ креста не ясныя изображенія орудій страстей Господнихъ: копья и губы. Кромѣ этихъ изображеній, сохранились и слѣды, болѣе или менѣе замѣтные, письменъ, окружающихъ крестъ.

Буквы, составляющія надпись вокругъ креста, вѣзаны довольно глубоко и имѣютъ въ среднемъ отъ 4,6 до 5 сант. вышины.

Приблизительно на уровнѣ дщицы довольно ясно читается: съ одной стороны слово *Царь*, а съ другой *Славы*².

Въ средней части креста, тотчасъ надъ рогами перекладины, виднѣются двѣ буквы. Одна изъ нихъ, справа, не внушаетъ никакихъ сомнѣній и есть буква Т. Расположенная по другую сторону сохранилась очень плохо, но при внимательномъ разсмотрѣніи, безъ большой натяжки, можетъ быть также признана за Т.

Ниже этихъ двухъ Т расположены попарно по сторонамъ креста четыре знака. Съ правой стороны они сохранились очень хорошо и составляютъ слогъ КА. Что же

² По техническимъ условіямъ при транскрипціи надписи я вынужденъ раскрывать всѣ титла и дѣлать транскрипцію гражданскимъ шрифтомъ.

касается пары, находящейся съ лѣвой стороны, то отъ буквъ остались только едва замѣтные слѣды, позволяющіе однако утверждать, что буквы эти состояли изъ прямыхъ чертъ. Такихъ чертъ замѣтно три.

— 3 —

Принимая во вниманіе это обстоятельство и сохранившійся отъ временъ св. Константина Равноапостольнаго обычай сопровождать изображеніе креста лозунгомъ побѣды, предвозвѣщенной ему въ небесномъ видѣніи, я читаю эту часть надписи какъ НИКА, а все вмѣстѣ какъ ТУТО НИКА, т. е. «симъ побѣдиши».

Что касается слѣдовъ буквъ, видимыхъ по сторонамъ не сохранившагося подножія, а также и по сторонамъ главныхъ роговъ, то они настолько слабы, что я съ своей стороны отказываюсь дать какое бы то ни было заключеніе относительно ихъ смысла, а предоставляю сдѣлать это лицамъ болѣе меня знакомымъ съ иконографіей Св. Креста.

Оборотная сторона камня, какъ сказано выше, покрыта надписью. Надпись эта высѣчена очень красивою вязью. Буквы, глубоко врѣзанныя въ камень, имѣютъ 6,4 сант. вышины, только въ нижней строкѣ лигатура буквъ Т и Р нѣсколько превышаетъ эту величину. На самомъ камнѣ ясно замѣтно, что строки размѣщены на линіяхъ, прочерченныхъ довольно глубоко какимъ-то острымъ орудіемъ. Разстояніе между строкъ равняется 2½—4 сантим.

Цѣликомъ сохранились только четыре строки, отъ пятой (нижней) остались только верхнія части составляющихъ ее буквъ. Кромѣ того третья строка, считая сверху, настолько пострадала отъ времени, что отъ нея осталось едва нѣсколько знаковъ.

Первая строка гласитъ: *Лѣта 7180-го іюня*. Вторая — *17 дня поставленъ крестъ*.

Отъ третьей, какъ сказано выше, осталось едва нѣсколько буквъ. Думаю, однако, что въ этой строкѣ едва ли заключалось больше двухъ словъ и, самое большее, начало третьяго, конецъ котораго ъся перенесенъ на четвертую строку. Въ разбираемой строкѣ изъ надстрочныхъ знаковъ имѣется лишь одно удареніе надъ буквой Ъ и, слѣдовательно, слова, ее составляющія, были написаны безъ сокращеній, почему и не должны бы быть длинными. По расчету мѣста, занятаго строкою, и по сравненію съ другими строками, на ней могло умѣститься не болѣе 11—12 буквъ. Довольно ясно разбирается начало строки *на* и затѣмъ лишь нѣсколько отдѣльныхъ буквъ. Окончаніе ъся, перенесенное на четвертую строку, позволяетъ лишь догадываться, что здѣсь была какая то глагольная форма, б. м. уясняющая всю надпись, а потому разрушеніе этой строки особенно печально.

Четвертая строка читается весьма легко и гласитъ: *ѡся Образъ Пресвятыя*³.

Отъ пятой строки остались только верхнія части буквъ. Не смотря на это, а также и на значительныя лакуны, все же, мнѣ думается, довольно легко возстановить смыслъ этой строки. Первое слово съ титуломъ сверху, безъ сомнѣнія

³ Кажется, можно бы читать и «Пречистыя», но это слово не умѣстилось бы на данномъ пространствѣ.

должно обозначать «Богородицы». Этому не противорѣчитъ ни очертаніе сохранившихся остатковъ буквъ, ни эпитетъ, читаемый ясно въ предыдущей строкѣ, который и можетъ быть усвояемъ только непорочной Матери Богочеловѣка.

— 4 —

Начало слѣдующаго слова по очертанію можетъ быть единственно только буквою *O*; отъ слѣдующей по порядку буквы осталась только косая черта. Судя по этому, мы имѣемъ дѣло или съ *d* или съ *y* (юсъ малый). Затѣмъ слѣдуетъ лакуна, въ которой возможно помѣстить отъ двухъ до трехъ буквъ и лигатура изъ *m* и *p*. За этой лигатурой сохранились слѣды буквъ, состоящихъ изъ вертикальныхъ чертъ. Но основаніи всего этого я, съ своей стороны, предложилъ бы здѣсь чтеніе «*Одигитрію*». Кончается строка тремя буквами, которыя читаются довольно легко и при чтеніи даютъ: *a* *ca*. Очевидно, это начало слѣдующей фразы.

Остается выяснитъ, гдѣ и съ какою цѣлью могъ быть поставленъ крестъ, жалкій обломокъ котораго дошелъ до насъ. Въ этомъ случаѣ нѣкоторый матеріаль для сужденія можетъ дать и самый обломокъ съ своимъ изображеніемъ и надписью, а отчасти и тѣ историческія данныя, къ сожалѣнію весьма скудныя, которыя дошли до насъ о прошломъ г. Саратова и его святынь.

Крестъ являлся и до настоящаго времени является не только предметомъ поклоненія для вѣрующихъ, но употреблялся, а отчасти употребляется и теперь, или въ качествѣ надгробнаго памятника или для увѣковѣченія событій казавшихся важными въ глазахъ современниковъ. Въ западной Россіи доселѣ живетъ обычай ставить кресты при дорогахъ. На далекомъ Сѣверѣ крестъ на прибрежныхъ скалахъ и выдающихся мѣстахъ обозначаетъ не только мѣсто вѣчнаго успокоенія несчастныхъ звѣролововъ и мореходовъ, но и играетъ роль путеводнаго знака, указывая или опасныя мѣста или направленіе пути. Такимъ образомъ область примѣненія крестнаго изображенія весьма обширна. Какому же изъ этихъ назначеній удовлетворялъ нашъ крестъ?

Уже самый текстъ надписи, не смотря на ея краткость и фрагментарность, позволяетъ съ увѣренностью утверждать, что мы не имѣемъ здѣсь дѣла съ надмогильнымъ памятникомъ.

Надгробныя надписи съ очень давняго времени вылились въ опредѣленную, рутинную форму. Если бы передъ нами было надгробіе, то естественно въ первой же строкѣ встрѣтить указаніе на то, что подъ крестомъ покоится чей-то прахъ. Между тѣмъ начало нашей надписи носитъ чисто документальный характеръ. Такъ именно, съ обозначенія даты, начинаются чуть-ли не всѣ официальные письменные памятники XVII вѣка. И на разбираемую надпись необходимо смотрѣть какъ на документъ, удостовѣряющій, что именно и кѣмъ сооружено въ данномъ случаѣ.

Переходя къ другимъ назначеніямъ крестнаго изображенія, необходимо считаться съ тѣмъ, что, насколько извѣстно, въ нашемъ краѣ нигдѣ и никогда не практиковался обычай постановки крестовъ въ качествѣ путеводныхъ знаковъ, хотя бы это и не было нисколько странно на берегахъ такой великой рѣки, какъ Волга, съ незапамятныхъ временъ служившей большой дорогой для цѣлыхъ

народовъ. Такимъ образомъ приходится исключить и возможность того, что крестъ служилъ тѣмъ же цѣлямъ, какъ и кресты, разсѣянные въ такомъ множествѣ по берегамъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана.

Остается, слѣдовательно, предположить, что крестъ или былъ воздвигнутъ въ память какого либо событія, или же служилъ предметомъ поклоненія.

— 5 —

Обычай воздвигать кресты въ воспоминаніе о томъ или иномъ событіи весьма древенъ на Руси и вовсе не требовалось, чтобы событіе, которому предстояло быть увѣковѣченнымъ этимъ памятникомъ, носило характеръ выдающагося событія. Самый знаменитый крестъ, такъ называемый тмутороканскій поставленъ княземъ Глѣбомъ въ 1068 г. въ воспоминаніе того, что онъ измѣрялъ по льду ширину Керченскаго пролива. Обстоятельство весьма любопытное для самаго князя Глѣба, но едва ли особенно важное не только для тогдашней Руси, но даже и для близкой Тмуторокани.

Какое же событіе могло послужить причиной построения нашего креста?

Исторія не сохранила для насъ никакого извѣстія о чемъ нибудь замѣчательномъ въ мѣстной саратовской жизни въ эпоху, къ которой относится построение креста. Жизнь эта текла тихо и незамѣтно и отъ 1672 г. до насъ дошло единственно только имя воеводы, правившаго въ то время Саратовомъ⁴. Правда, событіе, если только оно происходило, могло случиться и раньше 1672 г., но, кромѣ погрома Разина, за всю вторую половину XVII вѣка въ Саратовѣ не отмѣчалось ничего, хоть сколько нибудь выдающагося. Разинскій же погромъ и тѣ непріятныя послѣдствія, которыя онъ навлекъ на саратовцевъ, принимавшихъ въ немъ уже слишкомъ дѣятельное участіе, едва ли могъ принадлежать къ категоріи тѣхъ событій, которыя современники пожелали бы увѣковѣчить постановкой памятника.

Единственное возможное предположеніе — это то, что крестъ поставленъ въ память построения церкви. Построение новаго храма и теперь событіе далеко не заурядное, а въ тѣ отдаленныя времена это было дѣйствительно выдающимся событіемъ въ народной жизни. Лѣтописи полны извѣстіями не только о постройкѣ новыхъ, но и о перестройкѣ уже существовавшихъ храмовъ. Оставляя въ сторонѣ время возникновенія Саратова и перенесенія его на правый берегъ Волги, какъ вопросы и до настоящаго времени не выясненные съ достаточной опредѣленностью, мы можемъ констатировать только тотъ фактъ, что къ концу XVII ст. Саратовъ вступилъ въ эпоху расцвѣта, продолжающуюся съ тѣхъ поръ безъ перерыва до нашего времени. Было-бы заблужденіемъ вообразить себѣ Саратовъ XVII в. какимъ то захолустьемъ, существовавшимъ единственно какъ административный центръ, подобно глухимъ городкамъ сѣверной Сибири. Уже одни размѣры, занимаемые городомъ, говорятъ за его значительность. Въ 80—90 годахъ этого вѣка въ немъ несомнѣнно существовало три монастыря (женскій и два мужскихъ) и нѣсколько приходскихъ церквей. Въ 1681—1682 г.г. серьезно возникаль вопросъ объ установленіи въ Саратовѣ епископской кафедръ. Казавшіяся

⁴ Думный дворянинъ Θεодоръ Ивановичъ Леонтьевъ.

неизсякаемыми рыбными богатства Волги вызвали в Саратов казенный рыбный промысел, существовавший до 40-х годов XVIII в. Был особый рыбный городок с особой администрацией, повидимому независимой от общегородской, с своим войском, пушками и т. п. Под защитой этого городка ютились подворья богатых московских монастырей и выросла цѣлая Горная Слобода, нынѣшнія «Горы».

Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что около 1682 г.

— 6 —

в Саратов могла быть построена или возобновлена церковь и въ воспоминаніе этого воздвигнутъ памятникъ, съ которымъ мы имѣемъ теперь дѣло. Если только допустить, что крестъ и въ прежнее время находился поблизости отъ того мѣста, гдѣ теперь найденъ его обломокъ, то такой предполагаемый храмъ долженъ бы находиться гдѣ-то въ районѣ нынѣшняго Покровскаго прихода. Покровская церковь упоминается уже подъ 1710 г.⁵ Послѣ страшнаго пожара 1712 г., истребившаго весь городъ и, повидимому, вмѣстѣ съ тѣмъ и эту церковь, въ Покровскомъ приходѣ въ 1713 г. игуменъ Стахій освятилъ Іоанно-Богословскую церковь⁶. Въ не менѣе ужасный пожаръ 1738 года, церковь эта, именовавшаяся Введенской, уцѣлѣла, какъ и церковь Архангельская⁷. Все это время церковь была деревянной и каменный храмъ, существующій и понынѣ, воздвигнутъ въ 40-хъ годахъ XVIII в. За двухсотлѣтнее существованіе церковь и въ просторѣчьи и въ письменныхъ документахъ именовалась и теперь именуется Покровской или Введенской. Ни въ чемъ не сохранилось памяти о томъ, чтобы когда нибудь она была освящена во имя Божіей Матери «Одигитріи»⁸. И хотя, какъ сказано выше, нѣтъ ничего недопу-

⁵ Историческая записка объ Астраханской епархіи І. Саввинскаго, стр. 97.

⁶ Труды Саратов. Арх. Ком., т. IV, вып. 2, стр. 75.

⁷ Тамъ же, стр. 90.

⁸ Для освѣщенія вопроса о томъ, существовала-ли въ Саратовъ въ XVII ст. церковь во имя Божіей Матери, именуемой «Одигитрія», до нѣкоторой степени можетъ служить слѣдующій документъ, приводимый, безъ указанія источника, покойнымъ А. Леопольдовымъ въ статьѣ «Краткій историческій очеркъ города Саратова», печатавшійся въ «Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» за 1844 г.

«Бьютъ челомъ (преосвященному Сампсону, митрополиту Астраханскому и Терскому) холопи и сироты великаго государя саратовскіе стрѣльцы и посадскіе люди Ивашка Дружининъ, Спирька Кирилловъ, Ивашка Серебряковъ, Ермакъ Сѣтковъ и всѣ прихожане. Въ прошломъ 204 году учинилось на Саратовѣ пожарное раззореніе; и въ то, государь, число, сгорѣло у насъ холопей и сиротъ великаго государя въ приходѣ церковь во имя Смоленскія Богородицы съ двумя придѣлами во имя первоверховныхъ апостоловъ Петра и Павла да Николая чудотворца. И по сіе, государь, число въ приходѣ у насъ на томъ погорѣломъ мѣстѣ церковь не построена. Милостивый великій господинъ, преосвященный Сампсонъ, митрополитъ Астраханскій и Терскій, пожалуй насъ холопей и сиротъ великаго государя, вели на томъ мѣстѣ церковь во имя Смоленскія Богородицы заложить и о томъ вели, государь, послать на Саратовъ свой архіерейскій указъ. Великій государь, смилуйся, пожалуй!».

Заложенная по этому прошенію церковь существуетъ до настоящаго времени подъ именемъ Никольской или Рождества Богородицы. Какъ видно изъ челобитной, до пожара 1696 г. она называлась Смоленской.

Смоленская икона Божіей Матери именуется также и Одигитріей. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что и церковь во имя ея именовалась также и Одигитріевской.

Невольно напрашивается потому предположеніе, что нашъ крестъ находился нѣкогда при этой церкви, гдѣ и подвергся разрушенію при пожарѣ 1696 г. Послѣ этого онъ, быть можетъ черезъ долгое время, въ качествѣ простаго строительнаго матеріала, особенно принимая въ расчетъ дороговизну камня въ Саратовѣ, попалъ въ фундаментъ вновь возведенной Введенской церкви.

стимаго въ томъ, что она существовала уже и въ XVIII в., все же нѣтъ никакихъ данныхъ ставить въ непосредственную связь построение этой церкви и сооружение креста.

Съ своей стороны я склоняюсь къ тому мнѣнію, что описываемый крестъ служилъ въ свое время исключительно какъ предметъ религіознаго поклоненія.

Какъ извѣстно, наша богомольная старина, кромѣ устройства храмовъ, воздвигала въ безчисленномъ множествѣ и часовни. Не мало такихъ часовенъ имѣлось и въ Саратовѣ. Служа съ одной стороны для вѣрующихъ мѣстомъ молитвы, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ служили и источникомъ дохода для церквей и монастырей. владѣвшихъ ими. Поэтому въ городахъ онѣ ставились, ставятся и теперь, на людныхъ, проѣзжихъ мѣстахъ: на торгахъ, при вѣздѣ въ поселение и т. п. Было много часовенъ и въ Саратовѣ; одинъ мужской монастырь въ XVIII в. имѣлъ ихъ три. Въ Петровскія времена на часовни возникло своего рода гонение и было строго воспрещено не только строить ихъ вновь, но и возобновлять обветшавшія. Указы объ этомъ сохраняли свою силу и въ послѣдующія царствованія. Поэтому, когда въ 1752 г. монахини Саратовскаго женскаго монастыря обратились съ ходатайствомъ къ пр. Иларіону Астраханскому о разрѣшеніи построить на пустопорожномъ монастырскомъ мѣстѣ часовню для собиранія милостыни, имъ было въ этомъ отказано, а вмѣсто этого пожалована часовня «на Волгскомъ взвозѣ», принадлежавшая до того Спасо-Преображенскому монастырю⁹.

На сохранившейся части камня уцѣлѣло изображеніе креста, о которомъ говорится въ надписи, находящейся на оборотѣ. Имѣя въ этомъ случаѣ такой параллелизмъ надписи съ изображеніемъ, возможно и даже неизбежно предположить продолженіе этого параллелизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе ниже креста высѣченнаго на томъ же камнѣ образа «Одигитрій», упоминаемаго въ текстѣ надписи. Употребленіе вмѣсто кисти живописца для священныхъ изображеній рѣзца-ваятеля живетъ до нашихъ дней. Еще и теперь, несмотря на воспрещенія духовныхъ властей, во многихъ церквахъ сохраняются и почитаются народомъ грубо вырѣзанныя изображенія Христа въ темницѣ или Распятія. Почитались рѣзныя иконы и въ XVII в.¹⁰

О торговомъ, или вѣрнѣе промышленномъ, значеніи Саратова въ XVII в. говорилось выше. Главною артерію, связывавшею его съ центромъ Россіи, была Волга. Изъ сухопутныхъ дорогъ была только одна на Москву (черезъ Пензу). При выѣздѣ этой дорогой изъ города съ давняго времени существовала часовня, нынѣшняя Киновія. Московская дорога шла глухими и еще пустынными мѣстами и поэтому едва-ли была особенно проѣзжей. Единственно удобной и бойкой дорогой была рѣка, къ которой и жался городъ и вся его жизнь. Здѣсь же слѣдовало ожидать и наибольшаго количества часовенъ. Дѣйствительно, еще и теперь, несмотря на неоднократныя опустошенія отъ пожаровъ и на то, что

⁹ Труды Саратов. Арх. Ком., т. IV, вып. 2, стр. 93.

¹⁰ Между прочимъ весьма любопытенъ хранящійся въ Музеѣ Саратовской Архивной Комиссіи весьма древній деревянный рѣзной образъ Господа Саваоа.

центр торговый дѣятельности ушелъ изъ района стараго города, на небольшомъ пространствѣ отъ Покровской до Казанской церкви въ непосредственной близости къ Волгѣ сохранилось четыре часовни.

Изъ трехъ, принадлежавшихъ Спасо-Преображенскому монастырю, часовень одна была у Московскихъ воротъ, вторая, отданная женскому монастырю, находилась на Волжскомъ взвозѣ, близъ этого монастыря. Относительно мѣстонахожденія третьей не сохранилось никакихъ извѣстій. Зная двойное назначеніе часовень, мы вправѣ думать, что и третья находилась гдѣ нибудь по близости отъ Волги, на одномъ изъ взвозовъ.

Исконный обычай предъ началомъ пути испрашивать благословенія и покровительства свыше и при благополучномъ окончаніи странствованія благодарить Бога за милость крѣпко держится и теперь.

Насколько крѣпче онъ долженъ былъ быть въ тѣ времена, когда путь отъ Саратова до Москвы, или хотя бы и Астрахани, являлся не простою дѣловой поѣздкою, какъ теперь, а настоящимъ путешествіемъ, во время котораго путника на каждомъ шагу стерегли опасности всякаго рода и благополучное окончаніе котораго только и было возможно при милости Божіей. Божія Матерь, именуемая Одигитрія, т. е. Путеводительница, особенно почитается именно какъ покровительница путешествующихъ и такому изображенію приличнѣе всего было находиться на пути, по которому совершались въѣздъ и выѣздъ изъ города¹¹.

Въ виду всего сказаннаго выше, мнѣ представляется, что нашъ крестъ въ свое время находился въ одной изъ часовень, разсѣянныхъ по берегу Волги. Быть можетъ, эта часовня принадлежала мужскому монастырю, служа для него источникомъ доходовъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что отъ этой часовни не осталось ни слѣда, ни воспоминанія. Саратовъ многое множество разъ выгоралъ до основанія и распланировывался по новому. Въ одинъ изъ этихъ пожаровъ сгорѣла часовня, а находившійся въ ней крестъ былъ разбитъ. Обломокъ могъ легко попасть въ фундаментъ воздвигавшейся по близости церкви и послѣ многихъ мытарствъ дошелъ до насъ.

Настоящая замѣтка является лишь слабой попыткой посильнаго объясненія найденнаго памятника. Для объясненія полнаго требуется больше матеріала по саратовской старинѣ вообще, чего мы, къ сожалѣнію, до сего времени не имѣемъ.

А. Гераклитовъ.

Августа 1910 г.

¹¹ Радуйся кораблемъ, Одигитріе, нужно плавающимъ избавляющи вѣрныхъ и всѣмъ избавленіе отъ всякія скорби и недуги пестротныя и медленныя разрѣшающи вскорѣ. (Изъ стариннаго рукописнаго канона Одигитріи).